

Сезон уборки яблок

Когда-то я любила эту пору. Поленья, сложенные у двери, с густым смолистым духом леса. Сено в стогах, золотое в тусклом вечернем свете. Перестук яблок, что сыплются в корзины в погребе. Запахи, образы, звуки, возвещающие, что год будет добрым и зиму дети проведут в сытости и тепле. Когда-то я любила осенние прогулки в яблоневом саду, мягкий треск под башмаком, когда ступишь на паданец. Тягучие, сладкие ароматы яблочной прели и сырого дерева. В этом году стогов мало, запасы дров скудны, но мне до этого нет дела.

Вчера привезли яблоки для пасторского погреба, полную телегу. Разумеется, снимали их поздно. Многие в коричневых пятнах. Когда я указала на это возчику, он ответил, что повезло раздобыть хоть такие, и, надо полагать, он прав. Для уборки урожая у нас не хватает людей.

У нас ни для чего не хватает людей. А те, кто есть, ходят как во сне. Мы все измождены.

Я выбрала яблоко получше да посвежей и нарезала ломтиками, тонкими, как береста, и отнесла в темные покои, где сидит он, безмолвно и бездвижно. Рука на Библии, не открываемой уже давно. Я спросила, не желает ли он, чтобы я почитала оттуда вслух. Он повернулся ко мне, и я вздрогнула. Впервые за много дней он на меня посмотрел. Я уже забыла, на что способны эти глаза — на что способны мы, — когда он взирает на нас с кафедры, задерживая на каждом по очереди взгляд. Глаза все те же, но до чего переменялось лицо, усталое и осунувшееся, с глубокими морщинами. Когда он прибыл сюда, всего три года назад, его мальчишеская наружность стала предметом шуток, и люди смеялись при мысли о том, что проповедовать им будет желторотый птенец. Сегодня он не вызвал бы у них смеха, даже если бы они вспомнили, что это такое.

— Анна, ты же не умеешь читать.

— Еще как умею, ваше преподобие. Меня научила миссис Момпельон.

Он нахмурился и отвернулся, и я тотчас пожалела, что завела о ней речь. Он больше не давал себе труда перевязывать волосы лентой, и за их темной пеленой нельзя было разобрать выражения его лица. Но голос его, когда он вновь заговорил, был спокоен.

— Неужто? Неужто? — пробормотал он. — Что ж, как-нибудь ты мне почитаешь, и мы посмотрим, какой из нее вышел учитель. Но не сегодня, Анна. Не сегодня. А теперь ступай.

Служанка не вправе задерживаться, когда ее отослали. Но я задержалась: взбила подушку, укрыла его одеялом.

Мне запрещалось топить камин. Запрещалось доставлять ему даже эту малую радость. В конце концов мои вымышленные хлопоты закончились и я его оставила.

Захватив на кухне порченных яблок, я пошла на конюшню — проведать его лошадь. Двор не подметали уже неделю. Пахло гниющей соломой и лошадиной мочой. Пришлось приподнять юбку, чтобы не перепачкать подол. Не дойдя и до середины двора, я услышала, как конь с глухим стуком бьется о стенки стойла, вертясь и перебирая копытами в своем заточении, оставляя вмятины в полу, ведь, кроме хозяина, никто не мог с ним справиться.

Мальчишка-конюший, которому поручено было расчищать двор, дремал на полу сарая со сбруями. При виде меня он вскочил и принялся озабоченно искать черенок от косы, выскользнувший у него из пальцев во время сна. Заметив, что лезвие так и лежит на верстаке, я не на шутку рассердилась: косу надо было починить давным-давно, а теперь тимофеевка уже вся осыпалась и косить ее никакого проку. Я хотела выбрать мальчишку и за это, и за неприбранный двор, но при взгляде на его жалкое личико, такое бледное и изможденное, слова застряли в горле.

Я отперла стойло, и в лучах солнца заискрились пылинки. Конь застыл на месте с поднятым копытом, щурясь с непривычки на яркий свет. Затем взвился на дыбы и забил копытами в воздухе, ясно давая понять: «Коли ты не он, убирайся прочь». Не знаю, как давно его не касалась щетка, но на солнце шкура по-прежнему отливала бронзой. Когда мистер Момпельон верхом на этом коне прибыл в нашу деревню, пошли толки, что негоже священнику развезжать на таком отменном жеребце.

К тому же людям не нравилось имя коня — Антерос: один старый пуританин объяснил нам, что так звали языческого божка. Когда я отважилась спросить об этом мистера Момпельона, он лишь рассмеялся и сказал, что даже пуритане должны помнить, что язычники тоже дети Божьи, а их предания — часть его творения.

Я зашла в стойло и, прижавшись спиной к стенке, ласково заговорила с исполинским конем.

— Бедняга, ютишься тут целыми днями. А у меня для тебя гостинец.

Плавню я запустила руку в карман передника и вытащила яблоко. Конь слегка повернул ко мне голову, сверкнув белком глаза. Я продолжала ворковать, как некогда со своими малышами, если им бывало страшно или больно.

— Ты у нас любишь яблочки. Знаю, что любишь. Ну же, бери.

Он стукнул копытом, однако уже не так норовисто. Неспешно — ноздри раздуваются, втягивая запах яблока и моей кожи, — он вытянул мощную шею и обратил ко мне морду. Теплые, мягкие, точно перчатка, губы коснулись моей ладони и захватили яблоко целиком. Я полезла в карман за вторым, но тут конь мотнул головой, брызнул сок. Он снова встал на дыбы, молотя копытами в воздухе, — миг был упущен. Бросив яблоко на пол, я выскользнула из стойла, затворила дверь и прислонилась к ней спиной, затем отерла с лица брызги слюны. Конюший взглянул на меня и возвратился к починке косы.

Право же, подумала я, проще облегчить участь бедному животному, чем его хозяину. Зайдя в дом, я услышала, как священник меряет шагами комнату у себя на-

верху. Полы в доме старые и тонкие, и я без труда угадывала его передвижения по скрипу досок. Взад-вперед ходил он, взад-вперед, взад-вперед. Вот бы уговорить его спуститься, и пусть расхаживает себе по саду. Однажды я уже пыталась, но он так посмотрел на меня, будто ему предложили прогуляться по Уайт-Пику*. Когда я зашла за тарелкой, яблочные ломтики были на месте, нетронутые, побуревшие. Завтра начну отжимать сок для сидра. Мистер Момпельон, бывает, сделает глоток-другой, сам того не замечая, даже когда его невозможно уговорить поесть. И потом, не пропадать же целому погребу фруктов. Чего я больше не вынесу, так это запаха преющихся яблок.

На исходе дня, возвращаясь из дома священника, я всегда иду через яблоневого сад на холме: на главной улице, неровен час, увидишь знакомое лицо. Мы столько пережили вместе, что уже нельзя пройти мимо с любезным «Добрый вечер!». А на большее у меня нет сил. Порой — впрочем, не так уж часто — сад возрождает в памяти иную, светлую пору. Воспоминания эти недолговечны, дробь отражений в ручье, увиденных мельком и унесенных в потоке горя нынешней нашей жизни. Теперь я никогда не чувствую себя как в прежние, счастливые времена. Но изредка что-то да заденет то место, где обитало счастье, легким взмахом, будто крылышко мотылька во тьме.

Летними вечерами, в яблоневом саду, закрыв глаза, я слышу детский лепет, шепот и смех, шуршанье листьев

* Плоскогорье в Скалистом крае, или Пик-Дистрикте, — гористой местности в Центральной и Северной Англии. — *Здесь и далее примеч. перев.*